

“если мы внесем раскол — это будет положительным эффектом”

Александр Ведерников — Газете

Впервые Большой театр, задумывая новую постановку «Руслана и Людмилы», применил последние европейские «технологии». Заказал исследования, увенчавшиеся грандиозными находками авторизованных глинковских рукописей, закупил девять реплик старинных инструментов. И вопреки всему этому музыкальному аутентизму пригласил «модернистскую» постановочную команду. О судьбе этого проекта корреспонденту **Газеты** **Илье Кухаренко** рассказал главный дирижер Большого театра **Александр Ведерников**.

История этого спектакля не очень длинная, но крайне насыщенная событиями. Сам проект сценического воплощения претерпел три метаморфозы — сначала планировалось реконструировать ролевые декорации, потом выяснилось, что эскизы сохранились не полностью и нет практически никаких записей современников на эту тему. Не желая создавать некий новодел, мы решили отказаться от этой идеи. В то же время, когда мы углубились в это дело, стало ясно, что здесь все равно есть масса противоречий — наши поиски аутентичности в музыкальном звучании никак не коррелируются с тем, что должно происходить на сцене в рамках некоей «реалистической» постановки «Руслана». Возник даже некий стилистический разрыв. Поэтому мы пришли к мысли (особенно после того, как были найдены берлинские партитуры и можно было с уверенностью опираться на первоисточники), что надо отказаться от попыток реконструировать постановочные реалии и сконцентрироваться лишь на реконструкции музыкальных. Мы отказались и от иллюстрирования сюжета впрямую и пригласили постановочную команду, которая предложила решение, на мой взгляд, наиболее соот-

Эту партитуру «Руслана», не авторизованную, но прижизненную, Александр Ведерников обнаружил в архивах собственного театра. В каталогах она не значилась, и последний раз ею интересовались еще до войны Фотограф: Игорь Зехаркин/Газета

ветствующее тому, что мы пытаемся сделать с музыкой.

Не боитесь, что современное сценическое решение вызовет протесты у публики? Надеюсь, то, что будет происходить на сцене, поможет публике воспринять наши музыкальные решения, а не отвлекать от них. К тому же я не думаю, что традиционные ожидания так уж сильны. На сцене Большого «Руслан» не идет уже почти двадцать лет, да и в те годы опера шла не то чтобы часто. В данном случае мы рассчитываем на «передовую», непредвзятую часть пуб-

лики, на тех, кто способен преломить в себе какие-то привычные ощущения.

Но ведь и с музыкальной традицией тоже есть свои проблемы. Не кажется ли вам, что для локальной оперной сцены «Руслан» сейчас ничуть не менее чужероден, чем, скажем, «Капулетти и Монтеки» Беллини?

Я с вами частично готов согласиться. Нам приходится в процессе работы считать множество более поздних вокальных наслений. Но, мне кажется, мы справимся.

Детали из берлинской партитуры будут учтены в вашей постановке? Насколько я понимаю, это ведь можно сделать и без факсимильных копий?

Конечно, будут. Ведь все открытые партитуры совершенно не противоречат друг другу, а дополняют. Там нет принципиальных разночтений. Евгений Михайлович Левашев просмотрел с этой точки зрения все детали берлинской партитуры, и многое было внесено.

Вы не могли не осознавать, что, берясь за эту постановку,вязываетесь в очень рискованную затею... Безусловно.

Тогда какие риски вы бы сами поставили на первое место?

Собственно риски, связанные с восприятием всего нового, — это главное. Чем их можно перебить? Музыкальной убедительностью, а с другой стороны — сильным внешним воздействием.

Есть ли кто-то из великих исполнителей прошлых лет, кто, по-вашему, угадал в своей трактовке «подлинное» лицо «Руслана»?

Наверное, это касается тех исполнителей, которые не были записаны на диски. Например — Осип Афанасьевич Петров.

А из тех, кого можно послушать?

Все же нет, поскольку практически все записи сделаны в традициях «большого» стиля и отсылают нас к нынешней постановке «Ивана Сусанина».

Не воспримет ли публика это разрушение «большого» стиля как разрушение стиля Большого?

В принципе, я не думаю, что сейчас в театре есть некая однородная публика. Все очень разное. И если нам удастся внести некий раскол, это будет скорее положительным эффектом.